

Комитет администрации города по культуре

СТЕПНЫЕ УЗОРЫ

**ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
АЛЬМАНАХ
№ 1**

г. Славгород 2001 год

В данном литературно-художественном альманахе «Степные узоры» собраны произведения в журнальном варианте прозаиков и поэтов г. Славгорода, Славгородского и ближайших районов. Творческие работы разноплановые, различен писательский опыт и возраст авторов. Надеемся, что произведения, опубликованные в альманахе, понравятся читателям – землякам.

Составители благодарят авторов, приславших свои работы; коллектив Славгородской централизованной библиотечной системы, комитет администрации города по культуре и администрацию г. Славгорода за помощь в составлении и издании литературно-художественного альманаха.

Надеемся, что этот альманах будет не последним, и что сотрудничество в сфере литературного творчества будет продолжаться.

Редактор-составитель
Валентина Михно

Редакционная коллегия
Антонина Захарова
Александр Пак
Александр Михно

Художник-оформитель
Юлия Михно

Корректор
Валентина Михно

ЗИНАИДА БРАТУСЬ

ПАРК ГОРОДСКОЙ

Повалено старое дерево...
Мне так одиноко в саду.
Я там, где когда-то сидели мы,
Шаги замедляя, пройду.

Увижу далёкое прошлое
За дымкой плакучих берёз
И вспомню, что стала я взрослой
В тот день, что любовь мне пришёл.

Наш парк с фонарями, аллеями,
Здесь все мы влюблялись, росли,
Большие надежды лелеяли,
Когда объяснялись в любви.

Я с внучкой пройду по обочине.
Как парк городской постарел!
В нём всё изменилось воочию,
Лишь лось-великан уцелел!

Повалено старое дерево...
Чьи тайны хранило оно?
Чьим клятвам оно не поверило?
Чьи руки свалили его?

ПАМЯТНИК СЛАВЫ

Ярко алело полотнище флага...
Весной, в сорок пятом, повержен был враг.
Много фамилий на стенах рейхстага
Оставил навечно солдат-сибиряк!

В странах Европы сотни убитых,
На братских могилах букеты цветов.
Буквы из бронзы на мраморных плитах...
Мы помним погибших своих земляков.

Памятник Славы в маленьком парке.
Приходят родные цветы возложить.
Низкий поклон вам, сибирские парни,
Вы дали нам право родиться и жить!

ДОЧЕНЬКА

На рассвете с первыми лучами
Родилась дочурка у тебя.
С нежностью прильнула к ней губами,
Прошептала: «Доченька моя!

Ты моё сокровище родное,
Наша плоть и наша с папой кровь,
Нежное создание земное,
Я тебе отдам свою любовь!

Пусть судьба твоя не знает горя,
Одиночества, обид, тревог.
Ты одна нам в старости опора!
Сколько предстоит тебе дорог!

Будь добра и милостива к людям!
Отличи: где правда, а где лесть!
Я всегда тобой гордиться буду,
Береги достоинство и честь!»

На рассвете с первыми лучами
Родилась дочурка у тебя.
С нежностью прильнула к ней губами
И шептала: «Доченька моя!»

КРАСИВАЯ ЖЕНЩИНА

Красивая женщина
так одинока!
Дорога до счастья
всегда так далёка!
Подруги косятся,
следа за мужьями.
Недобрые взгляды
всегда за плечами.

Красивая женщина
лучше алмаза!
Храни её, Боже,
от порчи и сглаза.
Красивая женщина!
Жизнь незавидна!
Соседи судачат –
тебе так обидно!

Завистливым взглядом
тебя провожают –
А ты улыбнись,
пусть увидят и знают:
Красивая женщина
лучше алмаза!
Храни её, Боже,
от порчи и сглаза!

* * *

Закончилось двадцатое столетие...
Что ожидает в будущем землян?
Появится ещё одно созвездие
И полетим к загадочным мирам!

* * *

МЕЧТЫ О ВОЛЕ

Мальчишка грустными глазами
Через решётку на окне
Смотрел на небо с облаками,
Слеза бежала по щеке.

Четвёртый год сидит он в зоне
И, как затравленный зверёк,
Мечтает только лишь о воле:
Побыть бы дома хоть денёк!

Увидеть маму на крылечке
И к ней присесть, обняв её.
Как хорошо с ней было в детстве,
А в зоне – страшное житьё!

Мальчишка грустными глазами
Через решётку на окне
Смотрел на небо с облаками,
Ждал перемен в своей судьбе.

ПРИШЛА ЛЮБОВЬ

Пришла любовь, как летом снег
И как вино игристое.
И стал другим мой женский смех,
Глаза, как небо чистое.

И я себя не узнаю:
Походка стала плавною.
Все догадались, что люблю...
Любовь! Вот в жизни главное!

Но знаю я – растает снег,
И всё опять изменится:
Затихнет мой весёлый смех,
Любовь куда-то денется...

АЛЕКСАНДР ПАК

Вчерашний Иуда – сегодня Христос,
И недавний грешник – сегодня святой...
Вон зубоскалит плакат: «Под стрелой не стой!
Это опасно для жизни!» Хотя жизнь – ничто...
Привыкаем, смиряемся с убожеством,
Где правда и ложь давно уже тождество.
Наступают окайненные дни...
Хочет народ только хлеба – это черта...
И всё настойчивей крики – «Распни!»
Приходит безверье, а за ним пустота.
И беда ведь не в том, что карманы пусты...
Опустошены наших душ алтари.
Разуверились в людях – но верить в Бога...
Жертвенник разбит, и свеча не горит.
Трудно жить, где всё стало предметом торга.
Между нами и будущим сожжены все мосты?!

Сползла повязка с Фемиды:
«А судьи кто?..» - и что суды,
Где балом правит не закон,
А жёлтый дьявол – миллион...

Ты и горькая, и сладкая,
Всем знакомая слеза,
На беду и радость падкая.
Ты – ровесница глазам...

* * *

Пусть будет вечно с нами Бог,
Чтобы за него идти на бой,
Да Вера, Надежда, Любовь,
Чтобы тихо уйти на покой...

* * *

Счастье – это синица
В наших с тобою руках,
А Жар-птица пусть снится
И живёт себе в облаках...

* * *

Новый тип человека-изотопа
Страстно жаждет повторного Потопа,
Испытывая терпение Бога.
Он хочет сегодня и сразу много.
Преступление без наказания –
Скорее правило, чем исключение...

Мы в погоне за счастьем, за местом под солнцем
Теряем всё лучшее, что носим под сердцем,
Устраивая бешеные ралли,
Теряем, а может, уже растеряли?
Извергается Земля, низвергаются небеса,
И с именем Всевышнего вытворяем «чудеса»...

Я уверен, отыщется Ноев ковчег
В этом веке, быть может, в ближайший четверг.
И снова, каждой твари по паре
В открытом море, в огромной таре,
В потоке воды, в поисках заветной суши,
Чтобы Землю найти и после разрушить...

Нам всё кажется: что-то меняется,
На самом деле – всё повторяется.
Что бы ни делали, ни творили –
Всё повторяется по спирали,
Возвращаясь на круги своя.
Бог рассудит, и время – судья...

* * *

* * *

Время – зеркало.
Оно отражает холодно и важно,
Никого не щадя, каждую морщинку...

Время – лекарь
Зализывает раны, уходящих дней
Притупляя боль и память живых...

Время – палач.
Ему всё равно, кто под топором:
Голова нищего или головка Помпадур...

Время – судья,
Ложь клеймя и оправдывая правду,
Ставит точки над «і»...

Время – Молох.
Он всеяден, жаден и без жалости
Перемалывает всё и вся, что на пути...

Время – Бог.
Лишь ему одному ведомо,
Какими будем мы завтра и после...

Время – вор.
Чуть слышно, мелкими шажками
Крадёт у меня секунды – превращая их в года...

* * *

Между нами города,
Годов седая борода,
Память ставит невода
На года у берега – «Да!..»

* * *

Жизнь, замарав однажды,
Не напишешь с белого листа.
И напрасны все надежды,
Смерть давно уже глядит с холста...

* * *

МАМАЕВ КУРГАН

Идут, идут и идут
 Нескончаемо зелёным коридором
 Сквозь строй тополей – солдат
 И безымянных парней –
 В рамке белых берёз...
 Живая гирлянда людей
 Без автоматов и гранат,
 Но с цветами в руках
 Серпантинном берут высоту –
 Мамаев Курган, где Родина-мать
 Взывает помнить о тех, кого уже нет.
 На стёртых ступеньках гранита
 Из плена камня, толщи лет
 Травой пробивается память –
 Скорбящей матерью по сыну.
 И сердце Вечным огнём
 Бьётся, незаживающей раной
 И благодарно, и виновато
 Падают каплями крови –
 Гвоздики, на холод зеркала плит –
 Где имена, имена, имена...
 Лежат без срока давности
 И не востребованы ещё
 Матерями, вдовами, детьми...

Пока вертится наша планета,
 Будут петь о любви соловьи,
 Умирать Ромео и Джульетта,
 И быть храму любви на «крови»...

Как истина проста.
 Из двух переключин – добра и зла –
 Сложили крест, конечно, не со зла,
 Где распяли Христа...

ЛЮБОВЬ НИКОЛАЕВА

Посвящаю своим дорогим дочерям Наташе и Юле.

*Цирк – это всегда загадка, настоящая
 волшебная сказка. Все сказки берутся из жизни, и
 эти истории произошли на самом деле, в
 настоящем цирке.*

*Говорят, что животные не умеют думать.
 Это не так. Они умеют не только думать, умеют
 любить, переживать и даже плакать.*

Все эти животные прошли через мои руки.

ОЛЕНЁНОК

В город приехала цирковая труппа тувинских артистов Оюн. У них были дрессированные олени. Однажды у гордого оленя Акая, что по-тувински означает «Непобедимый», и прекрасной оленихи Чечек, что означает «Цветок», родился оленёнок. Рождался он долго, потому что был очень крупный для новорожденного. А когда он родился, то оказалось, что не может подняться на ножки. Дрессировщик и мама-олениха осторожно пытались помочь малышу, но всё было напрасно. Оленёнок был очень хорошенький. На его шёрстке, по спинке, были рассыпаны тёмные пятнышки-горошины; на ножках – белые носочки; а мордочка была очаровательна: с карими и уже грустными глазами.

Малыша поместили в гримёрную, где артист-дрессировщик готовился к представлению. Его помощница носила оленёнка к маме на конюшню кормить несколько раз в день. Олениха ложилась на пол, чтобы малышу было удобно сосать молоко. Она очень нежно лизала своего малыша языком, недоумевая, почему до сих пор он не хочет бегать и резвиться, как другие дети. Из её огромных печальных глаз текли слёзы, как будто она чувствовала близкую разлуку. Целых три дня в гримёрную приходили

ветеринары. Никто не мог помочь малышу. Это значит, что его пришлось бы поместить в зоопарк.

Прослышала девушка, помощница Оюна, о стареньком докторе, который жил на окраине этого большого города. Когда-то, очень давно, он лечил всех зверюшек подряд: и цирковых, и просто заброшенных, и даже лесных жителей. Вот его-то она разыскала и привезла в цирк. Когда старичок вошёл в гримёрную, оленёнок поднял голову. Они внимательно смотрели друг на друга: старичок – добрыми голубыми глазами, и маленький оленёнок – грустно карими.

- Как зовут этого малыша? – спросил старичок.

- Никак, - ответила Оюн, - ему всё равно не подняться.

Старичок улыбнулся, ласково погладил оленёнка по голове и сказал:

- Какой ты хорошенький, как лютик! Вставай, пойдём к маме.

И оленёнок вдруг поднялся. Дрессировщик обернулся и увидел, что оленёнок стоит, раскачиваясь на неокрепших, дрожащих ножках. Да, он стоял!

Все артисты сбежались смотреть на это чудо. А старичок сказал:

- Всякое существо, которому подарена жизнь, должно иметь своё имя! Назовите его Лютиком, ведь он прекрасен, как цветок. Малыш вырастет красивым сильным оленем и будет хорошим артистом.

И действительно, Лютик вырос и стал артистом. Только теперь его называют Чечек, что по-тувински означает «Цветок», «Лютик».

СТАРЫЙ КОНЬ

Очень знаменитый дрессировщик Борис Манжелли имел огромную конюшню, в тридцать лошадей. Это были красивые кони породы «терские арабы» разных мастей. Здесь были вороные, рыжие и светло-серые «в яблоках». За лошадьми очень хорошо ухаживали, сытно кормили, поэтому они долго сохраняли свою силу и красоту.

На этой конюшне жил старый конь. Звали его Эвридик. Несмотря на возраст, он был высок, строен, красивой масти – в «серых яблоках». Его грива и хвост были чёрного цвета с проседью. Конь был почти слеп, поэтому Эвридик больше не мог работать в манеже. Несмотря на это, дрессировщик его по-прежнему очень любил и не хотел с ним расставаться. И всегда после представления, угощая лошадей за работу в манеже, он не забывал о своём старом друге, также подходил к нему, похлопывая по шее, говорил: «Молодец! Умница!» – как будто Эвридик отработал вместе со всеми.

Конный номер был очень хорош, и предстояли длительные гастроли за границу. Со старым конём надо было надолго проститься. Эвридик должен был остаться на ближайшем конном заводе. Долго Борис

Манжелли не уходил в этот вечер, прощаясь со своим старым другом. Наконец, и он ушёл. Погасли лампы на конюшне, и всё затихло.

Вдруг среди ночи дежурный цирка услышал топот копыт по каменному полу. Выглянув, он увидел старого коня, который шёл в манеж. Дежурный по телефону вызвал дрессировщика. Тот моментально явился в цирк. Своего старого друга он застал в манеже. Старый конь проделывал все свои трюки, с которыми он много лет подряд выступал в любимом цирке. Борис Манжелли вошёл в манеж. Почти слепые глаза коня и глаза дрессировщика встретились, и у обоих они были мокрыми от слёз. Старый конь прощался с цирком и своим любимым хозяином.

Наступило утро. Приехали машины для погрузки реквизита и лошадей. Одна машина предназначалась для Эвридика. Вывели старого коня на улицу, чтобы завести в машину. Вокруг стояла жуткая тишина. И вдруг дрессировщик вырвал повод из рук человека, который должен был увести старого коня в другую сторону, возможно, навсегда. Ведь старые животные, теряя любимого хозяина, гибнут от тоски.

- Освободите место в машине! – крикнул он и показал туда, где рядом с лошадьми стоял ларь с овсом. Эвридик снова занял место в машине. Его гастроли продолжались.

ВОРОНА

В Оренбургский цирк прилетела ворона. Птица прилетала каждый день и именно в то время, когда кормили цирковых собак. Она садилась заранее на дерево над собачником и терпеливо ждала время кормёжки. К ней уже привыкли и выносили большую банку из-под селёдки, полную еды. Ворона слетала вниз и с достоинством подходила к банке. Она клевала, важно оттопырив веером перья на крыльях. Она была красавицей с чёрными, с синим отливом, перьями и белой грудкой. Глаза, как большие бусины, излучали мудрость. Иногда казалось, что она сейчас заговорит. Так и случилось.

Как-то в цирке не было света, собакам раздали сырое мясо с костями. Естественно, вороне этот дефицит не дали. Она немного подождала, затем слетела на то место, где всегда получала свой паёк. Ворона сложила крылья, как обычно люди складывают руки за спиной, и совершенно отчётливо произнесла: «Кошмар!» И так, в течение часа, вышагивая с обиженным видом взад и вперёд, возмущённо вопила:

- Кошмар! Кошмар!

После этого ворона не прилетала целых два дня. Наверное, обиделась. Но потом начала прилетать опять до самого окончания наших гастролей. Может быть, ей хотелось общаться с нами, а может – на дармовщинку есть. Скорее и то, и другое.

* * *

Я так хочу, чтоб ты остался
И никуда не уходил,
Чтобы со мною не прощался,
Чтоб чудо радости продлил.

Молю, чтоб вечер не кончался,
И время замереть прошу...
Я так хочу, чтоб ты остался,
Что просто слов не нахожу.

* * *

Где же ты? Давно тебя не видно.
Мне б взглянуть в забытые глаза,
Только горько, больно и обидно
Ранили слова, что ты сказал,
Словно мне в душе закрыли двери
К состраданию, к счастью и любви.
И сейчас, пройдя сквозь жизнь без веры,
Оглянусь назад... Ну позови!

* * *

Я не верю в любовь, я не верю тебе,
По осколкам иду, по разбитой судьбе.
Затоптал все цветы, что росли целый год,
Беспощадно был прерван надежды полёт.

Снова хмурый туман, снова блеклый закат,
Снова горький обман, снова бег невпопад.
Как мне быть, как дышать, как глядеть мне вперёд?
Я не знаю, куда меня жизнь поведёт.

* * *

Я эгоистка, но себя не выдам,
Тебя я просто отпущу к другой.
А сердце жжёт нелепая обида –
Я ж так хотела жить одним тобой.

* * *

Между нами стена-невидимка,
Возведённая нашей судьбой.
Сердце будто холодная льдинка
Истекает прозрачной слезой.

* * *

И снова дождь, и снова всё намокло,
Печально смотрят хмурые дома.
А мне светло, хоть горько плачут стёкла –
Тебя увижу я во сне сама.

* * *

Кто-то скажет: «Грустит девчонка».
Да, в разлуке страдаю я,
И внутри меня плачет тонко,
Как котёнок, душа моя.

* * *

* * *

Нежность – грустная песня наших мам,
 Нежность – ранней любви робкий роман,
 Нежность – первый ребёнка в жизни шаг,
 Нежность – полный любви поздний брак.

* * *

Суть бытия в противоречиях,
 В противоречиях – жизни суть.
 Противоречия есть предтеча,
 То, отчего исходит путь.

* * *

На нас лежит налёт провинциальности,
 Толстым слоем застаревшей пыли,
 Мы произносим вслух одни банальности,
 А ведь когда-то молодыми были.
 Когда-то думали, мечтали и дерзили,
 Считали – наша жизнь у нас в кармане,
 Считали – всё исправим в этом мире,
 Но в факте всё совсем не так, как в плане.
 Разъехались по малым городишкам,
 Забыли о мечтаньях и дерзаннях,
 Забыли, что умеем, можем мыслить,
 Пришли к нам лень, сонливость, прозябанье.
 И смотрим, как на бога, на столицу,
 Которую когда-то покоряли,
 И прячем от себя стыдливо лица,
 И мысли гоним прочь о том, что потеряли.
 И снова, и что страшное – привычно
 Мы предаём порывы юности счастливой,
 Как в сон впадаем в жизнь свою обычную,
 «А был ли мальчик?

- Был он, был он, был он».

* * *

Жизнь соткана из нюансов и тонкостей,
 Из недомолвок и хитросплетений,
 Из различия в деталях,
 Различия подробностей,
 Из интриг и борьбы мнений.

* * *

Я думал: жизнь контрастная,
 Где-то чёрная, где-то белая,
 Но жизнь такая разная,
 Там нет очерченных мелом
 Областей, и нет чёрных пятен,
 Границ нет и разделений,
 Нету чётких понятий,
 Нету общности мнений.
 Жизнь – смешение красок,
 Жизнь – это масса явлений,
 Жизнь – это смена масок
 И борьба поколений.

* * *

Что всех безжалостней на свете? – Годы.
 Они нас не щадят, не берегут,
 В хорошую ли, плохую ли погоду
 Они бегут, бегут, бегут, бегут.

* * *

Пустою кажется квартира,
 Хотя ушла ты лишь вчера,
 А в воздухе свежо и сыро,
 И вонью тянет со двора.

Как будто всё, как и всегда,
 Однако время медлит ход,
 Хотя ушла ты лишь вчера,
 Но вечер кажется, как год.

* * *

Прекраснодушием страдать
Иль блажью искреннего слога –
Не угасай же, благодать,
В себе носить и верить в Бога.

* * *

Всё сначала начать,
О себе рассказать
С высоты временного порога.
Мне душа говорит:
«Ты не бойся, люби
Доброту и порядочность Бога».
Но другой, что сегодня
Ещё не забыт,
Отрицая, страдая, играя,
Жив надеждой опять,
Кровь сомнений моих
Искушая, алкая, взывая.
Всё сначала начать,
О себе рассказать,
Пусть молитвой окажется слово.
Я из вечности той
Шлю привет себе свой.
Я останусь, я буду живой.

* * *

Наши корни, конечно, в небе,
Мы оттуда сюда проросли.
С метеором, мелькнувшим в небыль,
Мы на землю с тобой пришли.
Сформулирован болью звёздной,
Звёздной радостью стынь, печаль.
«Мы вернёмся, ещё не поздно», -
Так и хочется крикнуть вдаль.
Слово – образ нездешней сути,
Слово – семя, а может, ход.
Я не верю, не обессудьте,
Я не верю, что всё пройдёт.

* * *

* * *

Защищала глаз слеза,
Время высушило очи.
Смысл на вымысел сменял,
Думал – к счастью путь короче.
Страсти песня улеглась,
Может, я и спел бы с хором.
Душу манит сердца власть –
Остаётся быть суфлёром.
Вопреки судьбе, слезам –
От неё ль досталось это? –
Смысл на вымысел сменял.
Разве можно стать поэтом?
Защищает глаз слеза,
С нею не иссякнут очи.
Смысл на вымысел сменял,
Будни дней на звёздность ночи.

* * *

Обними меня, ночь,
Без причин, без обид
Пледом добрым тепла –
Что-то сердце болит.
В бесприютной тоске
Приближаюсь к тебе.
Отчего-то совсем
Я не верю судьбе.
Я устал от фанфар,
От ошибок устал,
Моих сил больше нет
Видеть пошлости бал.
Этот форум надежд
Блеском тусклым сиял,
В этом море невежд
Я свечою сгорал.
Обними меня, ночь,
Без причин, без обид.
Пледом добрым тепла –
Я устал, я разбит.
Ты прими меня, ночь
В сон свободной души,
Лишь на вечный покой
Приглашать не спеши.

* * *

Душной кухни тусклый мирок.
 На столе остывает ужин,
 А на ужин с капустой пирог.
 За окном непросохшие лужи.
 У стекла увядают цветы,
 Им с капустой пирог не нужен.
 Они просят, разинув рты,
 Напоить их водой из лужи.

* * *

А мне сегодня необычно холодно
 В театре жизни, в равнодушной мгле.
 И зеркало души мой расколото,
 Взрываясь фейерверком в тишине.

* * *

Озябший сад поскрипывает брошенно.
 Случайный лист свернулся на снегу,
 И чей-то след, немного запорошенный,
 Зачем он здесь? Понять я не могу.

* * *

Любви ушедшей грустные слова
 Услышу в шёпоте деревьев,
 Их обронит усталая листва,
 И ветер на земле их не приемлет.

Их осень убаюкает во сне,
 Лаская в зыбкой колыбели,
 И в незатейливой игре
 Подарит царственной метели.

Любви ушедшей руки холодны,
 Печален взгляд, и мир неинтересен.
 Она хранит увядшие цветы,
 Не получая больше нежных писем.

* * *

Слегка нажимая на клавиши слов,
 Построю две прочные крепости –
 Одну из красивых словесных основ,
 Другую – жестоких нелепостей.

* * *

Мерно кружится красный танец
 И звучит изумрудный мотив,
 Смотрит вдаль молодой марокканец,
 Где в тумане скалистый залив,

Круглый двор, остывающий камень,
 Шпиль царапает щёку луны,
 Мост-оранта, бушующий пламень
 В пене бархатной тёмной волны.

Тронь ладонью мерцающий мрамор,
 Он в ответ зазвенит, как струна,
 Словно рядом гуляющий табор,
 На двоих лишь одна шаверма.

Мягкий отблеск тускнеющей меди,
 Шёлк воздушный волною атласной
 В нежном привкусе мякоти белой,
 В терпком привкусе мякоти красной.

* * *

В терпкой горечи мёртвого моря,
 В глубине неживой пустоты
 И лазури солёного горя
 Обречённо скитаешься ты.

Рыбка с фосфорной нежной душой,
 Рыбка, полная добрых идей,
 Накормившая рыбной мукою
 Злых и вечно-голодных свиней,

Перерезав покорно руками
 Свой пленительный хвост золотой
 С музыкальными плавниками,
 Рыбка, давшая мир и покой.

* * *

* * *

По долине звенит серебром Зеравшан,
Где раскинул ансамбли резной Регистан,

В аромате шафрана застыл Гур-Эмир,
Охраняя надменно чарующий мир.

Там, качая изодранной пыльной чалмой,
Брёл безропотно сгорбленный странник седой.

Он науку ночных путешествий постиг
И скитаться из города в город привык,

Он обрёл Самарканду священный алмаз
И его красотой восторгался не раз.

Перестал он испытывать праведный страх,
Лишь улыбка застыла на бледных устах,

Но пока не пришёл за душой Азраил,
Задержись у разграбленных древних могил

И сожми смертоносную чашу в руке,
Умирая с алмазом священным в чалме.

* * *

ТАТЬЯНА МАТВЕЕВА

* * *

Ты снова в путь, тебя зовёт дорога...
Под рёв мотора вспомни обо мне,
Мой сладкий демон, гордый недотрога.
Я буду ждать в тревожной тишине.

Молиться стану, стоя у иконы,
Закрыв глаза, не думая о том,
Что у дороги есть свои законы,
Но среди них – затерянный твой дом.

Я знаю: в сердце для меня нет места,
Но я прошу лишь только один день.
А ночь придёт – скажу, что я невеста,
Хотя – о нет! – я только твоя тень.

* * *

Быть покорной судьбе,
Принимать всё, как есть,
Быть покорной тебе,
Не дышать и не есть.

Мне быть тенью твоей,
Быть твоей и чужой,
Сумасшедшей, смешной,
Лишь бы только с тобой.

Словно ангел в саду,
За тобой я иду,
Без тебя я никто.

Это глупо, смешно,
Быть покорной тебе –
Так угодно судьбе.

* * *

Разлуки боль, а с нею одиночество,
Холодный угол комнаты моей.
И думать ни о чём совсем не хочется,
Качаю тихо, тихо колыбель...

РОЗОВЫЕ ОЧКИ

Когда идёшь, и бисера река, дрожа, искрится сквозь туманность снега, а Сфинксы мыслей, полукругом встав, легко пронзают бахромой созвездий, мне хочется обрушиться с высот, дробясь со звоном алыми цветами, и, отражаясь, жить в любом полночном блике, и ветер озарять, чтоб он, клубясь в незримости своей, был тем стеклом, что, преломляя силуэты, венчает их закатной пеленой.

* * *

По аллеям листопада,
По безбрежности дождей,
Окрыляясь светом, падать
В даль осенних миражей.

* * *

Пить прохладные росинки
Из зелёных губ листа
И плести из паутины
Первозданные места.

* * *

А потом шептать, как ветер,
Разнотравием степей
И, рванув сильнее цепи,
Стать одним из миражей.

* * *

ГОСТИ

(отрывок)

Тихо течёт таёжная речка в полуденную жару. В это время года она спокойна. Нежно лаская берега, несёт воды, собирая на своём пути всё новые и новые ручьи и речушки куда-то на далёкий север. А по берегам каждая живая травинка, кустик, стараются как можно крепче ухватиться за песчаную почву, глубоко опуская свои корни в землю. Пользуясь благоприятным временем, разбрасывают семена, чтобы и молодая поросль помогла в их борьбе за укрепление берегов, а впоследствии и заменила их.

Вся природа заснула в обеденную жару. Кажется, даже трава замедлила свой рост, разметав травинки, как женщина по подушке волосы, и улеглась на землю. Только ближе к вечеру, зевая и потягиваясь, тайга начнёт просыпаться. Разминая каждую веточку, каждый листочек, подует тёплый вечерний ветерок.

А пока всё дремлет. Слившись в единое целое с окружающим миром, слушал тишину дед Фрол. Закинув удочку в воду, он задумчиво смотрел на поплавок, но его не видел. Сидя на брёвнышке, опершись локтями на колени и сцепив пальцы рук в замок, думал дед над прожитой жизнью, и что ждёт этот мир после его ухода в мир иной. А то, что существует другой мир, он знает не только из библии, хоть и берёт её в руки очень редко. Однажды, ему сподобилось посмотреть на посланцев за его душой.

Это случилось сразу после успешно проведённой операции на желудке – удалили больше половины – последствия бурно проведённой молодости. Ему тогда было лет сорок. Пил её, родимую, без меры и нормальной закуски, а также работал часто, забывая про обед, чтобы обути, одеть, накормить своих домочадцев. Вот и заработал себе язву желудка. Про лечение и не думал, да и какое лечение в глухомани. Так и попал на стол к хирургу. Операция хоть и несложная, но что-то врачей задержало, и он очнулся в середине этого процесса. Чтобы не мешал врачам, пришлось делать повторный укол, после которого человек не может пошевелить даже веками. Во время операции виделась ему пожилая женщина вся в белом и читающая библию, сидя у операционного стола с левой стороны. Но это ещё как-то можно было объяснить сновидением. А вот как понять то, что он увидел уже после операции. Когда вернулось сознание, и хирург это понял, он велел отключить аппарат искусственного дыхания, хотя действие релаксантов ещё не прошло, как это выяснилось впоследствии.

- Ну, а теперь давай, дыши сам, - велел врач.

Пытаясь выполнить приказ доктора, впрочем, и без его слов, он пытался произвести вдох самостоятельно, но из этого ничего не выходило. В первые секунды это привело его в замешательство. Дед наблюдал боковым зрением за врачами, которые, не обращая никакого внимания на своего пациента, убирали инструменты и приводили себя в порядок. Потом появилась злость.

- Да они что, убить меня решили что ли, а для чего тогда столько времени со мной возились, столько лекарств на меня извели? – думал Фрол.

Стараясь хоть как-то обратить на себя внимание эскулапов, он попытался пошевелить хотя бы глазами, но и это не увенчалось успехом. Как ни старался, сколько сил ни прилагал (столько энергии он не затрачивал на самой тяжёлой работе), но безуспешно. А воздуха в лёгких уже совсем не осталось. Хочется, ох как хочется пивнуть этого, пропахшего медикаментами, но какого вкусного ВОЗДУХА. Мы никогда не задумываемся, поглощая его гекалитрами в день, как он нам необходим ежесекундно. Засоряем его, гекатоннами выбрасывая в атмосферу всякую гадость, а коснётся тебя лично или твоего самого близкого существа, только тогда осознаем, что такое ВОЗДУХ. И вот уже всё сознание охватила паника, в голове мелькают отрывочные эпизоды прошедшей жизни, и все эти фрагменты связаны только с пьянками да стремлением жить для себя лично. Мысли в голове ни на секунду не помутнели, отчётливо просматривались предметы, расположенные перед глазами, а также слух был отчётливым. Врачи продолжали заниматься каждый своим делом и про пациента, возможно, на мгновение забыли, радуясь успешно проведённой операции. Но для Фрола это были не мгновения, в такие моменты время как-то растягивается до неимоверных размеров. Это было время истины, не приукрашенной наносной атрибутикой, благосостоянием, должностным положением. Настало время осознания своего бытия.

И в этот момент у края хирургического стола, в ногах, появилось какое-то газовое, еле заметное тёмное облачко, даже не облачко, а как бы дымок, примерно на высоте груди взрослого человека. Оно становилось всё гуще и гуще, пока не сформировалось в чёрный силуэт в рост человека. Это уже не облако, а что-то чёрное, через которое ничего рассмотреть было нельзя. Ни лица, ни какого-либо ещё признака, чтобы можно было определить его принадлежность к нашему миру. Просто ярко-чёрный силуэт, по контуру напоминающий большого человека, с широкими плечами, а на голове здоровенные рога, как у буйвола.

Это существо очень напугало Фрола, не само по себе, а своей чернотой.

Ему вспомнились фрагменты из фильма на видеокассете своего сына, в котором за погибшими убийцами приходили чёрные тени – посланцы ада.

- Неужели и мне суждено отправиться в преисподнюю? - мелькнуло у него в голове, - но ведь те, в фильме, были убийцами, а у меня таких грехов нет. Конечно, я не безгрешен, все десять заповедей из библии не выполнял и самый мой тяжкий грех – в злоупотреблении алкоголем, но и этого, видно, достаточно для того, чтобы попасть в ад.

- А самолюбие? - как будто кто-то ему напомнил ещё об одном пороке.

- Да! – согласился Фрол с данной подсказкой и даже как-то успокоился, не задумываясь над тем, кто это с ним общается.

Конечно, это можно было отнести в разряд галлюцинаций, но Фрол ясно видел всех врачей и отчётливо слышал их голоса, даже понимая, о чём они говорят. А речь велась самая обыденная, хирург просил кого-то приготовить кофе, сестрички о чём-то хихикали.

Дышать уже не хотелось, наступил момент покоя. Фрол, не прилагая усилий, пустил пену из рта и приготовился уйти с той сущностью, которая уже была не в ногах, за краем операционного стола, а находилась в коленях, но он не ощущал её тяжести. И только после этого кто-то заметил, что они теряют пациента. Были приняты экстренные меры по спасению. Как только стал поступать воздух в лёгкие, пришелец отступил сначала на позицию к ступням, затем и дальше в обратном порядке тому, какой он проделал при появлении.

Этот судьбоносный эпизод из своей памяти, который перевернул всё его сознание, не изгладился из памяти своей остротой за десятилетия, заставлял деда Фрола обдумывать каждый поступок, принесёт ли он пользу людям, земле, природе. Многие в деревне поначалу посмеивались над резкой переменой тогда ещё молодого мужика, а бывшие собутыльники даже устраивали бойкот, но постепенно привыкли. Теперь он для окружающих вроде как староста, со всеми проблемами идут не в администрацию, а к Деду. Так и повелось, что общественные проблемы приходилось решать деду Фролу как на местном уровне, так и с представителями районной власти. А острых вопросов всегда у людей немало, как общественных, так и личных.

МЕТЕЛЬ

Белая метелица
 Снегом занесла!
 Робко чуть шевелится
 Ёлочки хвоя.
 Нежно спела песенку
 Вьюга всей земле,
 А на сердце весело
 В этой снежной мгле.

БАБУШКА

Как я свою бабушку
 Милую люблю,
 И цветов я бабушке
 Нынче же нарву,
 Обниму я милую,
 Ласково скажу:
 «Ты присядь, родимая,
 Я тоже посижу».
 Поболтаем я и ты,
 Песенку споём...
 От привычной суеты
 Вместе отдохнём.

ЗВЕЗДА

Я звёздочку далёкую люблю,
 Которая то вспыхнет, то погаснет,
 И звёздный свет, что ясен и прекрасен,
 И этот свет я людям всем дарю.

АЛТАЙ

В России есть чудесный край,
 Его название – Алтай.
 И славный город там стоит,
 Как будто счастье сторожит.

Люблю его степей простор,
 Его бескрайние поля.
 О загранице разговор
 Совсем не радует меня.

МИР ДОЛЖЕН БЫТЬ НА ЗЕМЛЕ!

Зачем нам война, лично мне и тебе,
 Ведь с нею живут в настоящей тоске,
 И тысячи жизней ушли на покой,
 И земли покрылись кровавой волной?

Зачем днём и ночью пугающий страх,
 Творенья людей превращаются в прах?
 Мы Родины земли должны сторожить
 И жизнью солдатской всегда дорожить.

Нам хочется жить на Земле без войны,
 Пусть люди всех стран будут вечно равны.
 Любой человек должен брать только то,
 Что нашей природой для жизни дано.

ПРЕДАЛИ!

Был предан человек...
 Как горек миг,
 Когда коварство друга
 Он постиг!
 И злости желчь,
 И гнев затмил глаза,
 И скрип зубов:
 «Я понял», - он сказал.

МЕЧТА

Люблю наблюдать это ясное небо,
 Где звёзды болтать в синеве собрались.
 О чём говорят, пролетая, кометы?
 О чём они думают, падая вниз?

Ответить нельзя на такие вопросы,
 И вовсе не нужен мне этот ответ.
 Увидеть воочию звёздную россыпь –
 Сильнее мечты и желания нет.

Взлететь никогда над землёю не поздно,
 Увидишь вокруг бесконечный простор,
 Не сможешь забыть ощущение свободы
 И радость полёта над кручами гор!

И всё же придётся на землю спуститься,
 Хоть так хорошо было плыть в небесах...
 Ни с чем на земле та мечта не сравнится,
 Хочу я всегда слышать звёзд голоса.

ЛЮБЛЮ

Люблю бутоны роз,
 Что в садике цветут,
 Люблю принцессу звёзд...
 Так как тебя зовут?

ВРЕМЯ

А время идёт, а время идёт,
 Прошедших минут нам никто не вернёт.
 А время летит, а время летит,
 И наших ошибок никто не простит.

А время плывёт, а время плывёт,
 Никто наше счастье за нас не найдёт.
 А время пришло, а время пришло,
 И нужно ответить за всё, что прошло.

Я ВЕРНУЛСЯ

Я недавно вернулся оттуда,
 Где гуляла лишь смерть за спиной,
 Где не знаешь: проснёшься ли утром
 Иль отправишься в мир ты иной?

Я недавно вернулся оттуда,
 Где в дыму исчез солнечный свет,
 Где стояли стеной друг за друга,
 А теперь за спиной друга нет.

Я пришёл! Дома радуюсь счастью,
 Что я волей судьбы не погиб...
 Но осталось на сердце ненастье:
 Очень больно за гибель других.

* * *

Любить до боли, безысходно,
Моя судьба, но не твоя.
Коль ты не любишь – я свободна.
Полюбишь – буду в клетке я.

Ведь я люблю, душой болею,
И жду ответ. Идут года.
Что полюбила – не жалею...
Но это лишь моя беда.

* * *

Склонился тополь над рекой.
Листва густа и зелена.
И ветер шевелит травой,
Но не прельстит меня она.

Клён тихо поманил листом,
Желая скрыть от зноя дня.
Вяз разбросался над кустом,
Но он не трогает меня.

Ведь я на родину хочу
Увидеть вновь лучи рассвета.
Берёзе белой прошепчу,
Что лучшая страна – вот эта.

* * *

Всё изведаль сын и познал,
А придя на родимый порог,
Когда гордость свою унял,
Вдруг он понял, что одинок.

На опушке лесной густой,
Где жила всегда его мать,
Старый домик стоял пустой
И осталось лишь крест обнять.

«Ты прости, прости меня, мать,
Что не смог тебя повидать».
Он стоял под забитым окном.
В небе горько смеялся гром.

ОСЕНЬ

Осень в красных отлепях
Плачет остатком дня,
Словно серую цепью
Тянет к земле меня.

Месяц до блеска вылакал
Лужи блестящую длань.
Травы, как тряпка, выжаты,
Тёмно-зелёная рвань.

Мрачного ветра пенё
Треплет серую ветвь.
Осень забытой тенью
Будит седую степь.

Неба отбросив просинь,
Туч распустив рукава,
Ворохом дни уносит,
Осень – всегда права.

* * *

Не жаль тебе меня?
Ты сердце мне разбила.
Не жаль тебе меня?
Надежды погубила.
Не жаль тебе меня?
Ты обо мне забыла.
Но мне себя не жаль.
Я рад, что это было.

* * *

ДАВАЙ

Давай поскучаем! Ведь мы не скучали.
 Давай помолчим! Мы давно не молчали.
 Давай погрустим так, как раньше грустили.
 Давай позабудем! Но мы не забыли.
 Давно не скучали, молчали, забыли.
 Зачем мы тогда, называется, жили?!

* * *

Пусть говорят, что ничего не слышу.
 Пусть говорят, что я слепой совсем,
 Что у меня уже «съезжает крыша».
 Ответ мой прост: я не такой, как все.

* * *

Осень!
 Что так воет ветер.
 Осень!
 Грустно в целом свете.
 Осень!
 Поневолe веришь.
 Осень!
 Может, что изменишь.
 Осень!
 Жизнь пройдёт, не спросит.
 Осень!
 Убаюкай ты меня.
 Осень...

* * *

Изменила!
 Сердца боль и стон.
 Изменила!
 Колокольный звон.
 Изменила!
 Горечь и печаль.
 Изменила!
 Не руби сплеча.
 Изменила!
 Как же верить мне?
 Изменила!
 Вся душа в огне.
 Изменила!
 Сердце остужу.
 Изменила!
 Лишь «прощай» скажу.

ПРО САМОГО – САМОГО

Он самый красивый,
 Самый богатый,
 Самый коварный,
 Самый простой,
 Но внутрь взгляни
 И увидишь – пустой!

ОДИНОЧЕСТВО

Один. Как горько, как больно!
 Другие парами ездят на «Вольво».
 Один, как дуб среди степи,
 Как пёс, сидящий на цепи.

Один. Среди толпы людей,
 Как Маугли среди макак.
 И как проникнуть в мир друзей,
 Когда так влип. Скажите – как?

НЕНУЖНЫЙ

Весь день льёт дождь. Я шлёпаю по лужам.
 Ты для меня звезда, но я тебе не нужен.
 Душа моя печальна, одинока.
 Ты для меня, как солнца свет далёкий.
 Иду и шлёпаю по лужам.
 Тебе не нужен. Никому не нужен.
 Ведь всё судьбой предreshено.
 Не знаю, буду ль я кому-то нужен?..

* * *

Мешают те, кто не мешал доньше,
И те ворчат, кто раньше не ворчал,
И зрячие становятся слепыми,
И ярые ораторы молчат.

Становятся нелепыми обиды,
Боль растворяет темнота квартир,
И ранее незрячая Фемида
Вновь парой глаз глядит на этот мир.

И мне как будто сердце зажимает,
Чужая боль так давит изнутри,
А за пощёчину, что гордость обжигает,
Мне шепчет сердце: «Поблагодари...»

* * *

*Пусть жизнь вдвоём не получилась,
О прошлом забывать нельзя...*

Е. Рябова

Лицо, как открытая книга,
В глазах – порывы души...
Мы вместе любить могли бы,
Только не надо спешить,

Спешить и бежать куда-то,
Не помня, зачем бежишь,
И глупых «прости» не надо,
Ты сам меня не простишь.

И нежных «не плачь» не надо,
Всё это фальшивый бред.
Ты знаешь, я даже рада,
Что злобы и лести нет...

Закрылась любимая книга,
В глазах не прочесть ничего.
Мы вместе любить могли бы,
Да только скажи: кого?

* * *

* * *

Опять запуталась в вопросах,
Как ветер в серых небесах...
Я говорю с тобой серьёзно,
Но вижу только смех в глазах.

Мой монолог вчера написан,
Но силы нет прочесть его...
Забылась...выплеснула мысли
И... не осталось ничего.

* * *

Человеку не могу открыться,
Доверяю лишь листам бумажным.
Мне ночами чёрт рогатый снится,
Просит: «Согреши, ну хоть однажды...»

Не могу просить прощенья вечно,
Раздражают люди и собаки.
Говорят, что я бесчеловечна...
Но однако... только на бумаге.

* * *

Не могу не тревожиться...

Ф. Сухов

Тревогою сердце полно,
Залито сомнением до края,
Наверно, мне так суждено,
Я видно, любви не узнаю.

И дают четыре стены,
И сон не приносит покоя,
А трели журчащей весны
Учить не дают... Что такое?

Мне вечно скитаться одной,
О счастье совместном мечтая?
Тревогою сердце полно,
Залито сомнением до края.

ЛЕГЕНДА О РЕКЕ, КОТОРУЮ СПАСЛА ДЕВОЧКА ПО ИМЕНИ ЦВЕТОВ

Много лет тому назад на берегу реки поселились люди. Река поила и кормила людей, служила удобными путями сообщения. Со временем люди научились использовать энергию реки. Люди научились пользоваться рекой для полива посевов. Единственное, о чём забыли люди, - это о бережном отношении к реке, о заботе о ней. Бездумно сбрасывали в реку мусор, бесхозяйственно перекрыли приток реки, и беда не заставила себя ждать. Небывалая засуха стояла в то лето, и река-кормилица превратилась в маленький немогущий ручеёк.

В одной деревушке, на берегу реки, жила девочка по имени Цветок. Девочка очень любила Солнце, она любовалась им с утра до вечера. И, засыпая, думала о Солнце, о том, что завтра увидит его. В то лето девочка Цветок была особенно счастлива. Солнце светило все дни подряд, на небе не было ни облачка, на землю не выпало ни одной капли дождя. Но от жажды пересохла река, поникли цветы и травы, в полях не колосилась пшеница, амбары были пусты, люди страдали от голода. Жители деревни просили у неба дождя, но дождя не было. И тогда маленькая девочка Цветок поняла, что людям нужен дождь, и сказала своему любимому Солнцу: «Солнце, ты знаешь, как я люблю тебя, ты знаешь, какое для меня счастье видеть тебя, любоваться тобой, но людям нужен дождь. Посмотри, как страдают люди, сжался над ними!»

И Солнце выполнило просьбу маленькой девочки по имени Цветок. Ковёр из облаков покрыл всё небо, и пошёл дождь. Он шёл много дней. Наполнилась водой река, цветы и травы выпрямились, люди были счастливы. Только бедняжка Цветок становилась с каждым днём всё бледнее и печальнее – ведь она столько времени не видела Солнца! А лучи Солнца были ей нужнее всего на свете. Девочка уже совсем ослабла, когда вдруг из-за туч появился солнечный луч и обогрел свою любимицу. Он сказал ей: «Идём, Цветок, со мной в страну, где всегда светит Солнце и цветут цветы. Отныне имя твоё будет – Цветок Солнца».

И девочка превратилась в золотистый цветок, только серединка у него была чёрная, как глаза и волосы девочки. Этот цветок на рассвете поворачивается в сторону восходящего солнца и следует за ним, пока оно не зайдёт.

С тех пор в конце лета на полях всегда расцветают золотистые цветы – подсолнечники, а люди, глядя на них, вспоминают о великой засухе и с любовью и глубоким уважением относятся к реке-кормилице.

СОКРОВИЩЕ ДАЛЬНОЙ ЗВЕЗДЫ.

Смотри, как ночью порою
Протянуты света столбы.
Легенду тебе я открою:
“Сокровище дальней звезды”.

Богач не жалел подаянье:
Ведь счёта он злату не знал.
За дар свой он ждал воздаянье
И лишь о награде мечтал.

Мудрец прошагал путь неблизкий
И, нити сплетая судьбы,
Прислал ему камень с запиской:
“Сокровище дальней звезды”.

Богач, дар схватив, негодует:
“За золото этот комок?
Принять эту грязь не могу я”, -
И выбросил камень в поток.

Но снова Учитель приходит:
“Подарок такой ожидал?
К тебе этот дар переходит,
Ведь ты об алмазе мечтал!”

В отчаянии неприкрытом
Тот прыгнул в потоки воды,
Но тщетно. Волнами сокрыто
Сокровище дальней звезды...

В воде под мерцающим небом
Вы вряд ли найдёте ответ.
Так было то, а может быть, небыль,
Кометы ль искрящийся след...

* * *

О сердце! Дай мне красоту,
Свой нежный звук и чистый цвет,
И ясность мысли, и мечту,
Своей любви лучистый свет.

ТАЙНА

Сквозь рубиновый сумрак захода
Пробиваются солнца лучи.
Ты на эти лучи так похожа,
Не молчи же, прошу, не молчи!

Гордый профиль на шее изящной,
Взгляд, что внутрь себя углублён –
Образец красоты настоящей,
Для бессмертия созданный сон.

Нет другой неразгаданной тайны,
Нет другой окрылённой мечты.
Так скажи мне хоть слово случайно,
Моя тайна из тайн – это ты.

* * *

Легче лёгкого помнить обиды
И винить постоянно других,
В их глазах все соринки мы видим,
Не заметив оглобли в своих.

* * *

Чередуются радость с несчастьем,
Постоянно у бед на краю...
Не всегда можно встретить участие,
Значит, рай свой – сама создаю.

* * *

День пролетел. Отшумели заботы.
Лунная ночь поджидает кого-то,
Может, всех нас? Что ж ты, сердце, молчишь?..
Стынет за окнами звёздная тишь.
Спи до утра, моя дочь, безмятежно.
Думы опять окрыляет надежда:
Дай тебе Бог красоту, доброту,
Верить в любовь и лелеять мечту.

* * *

Единственное верное решение,
Что озарило вдруг, без лишних слов,
Я был давно к нему уже готов,
И вот толчок в последнее мгновенье:
Весь мир – Любовь, Любовь есть единенье
Всех тех, кто, сбросив самости покров,
Любовью сможет одолеть врагов
И перед Светом встанет в восхищенье.

ЖЕЛАНИЕ

Волосы седыми стали.
Средь звенящей тишины
Губы матери шептали:
“Лишь бы не было войны”.

Лишь бы детям не досталось
То, что испытали мы.
В жизни б всё образовалось,
“Лишь бы не было войны”.

Взрывы вновь загрохотали
По развалинам Чечни.
Сердце сводит от печали:
“Лишь бы не было войны!”

* * *

И душа, и мысль оригинальны,
Каждый человек неповторим.
Средь ошибок прошлого банальных
Мы в себе изюминку таим.

Люди друг на друга так похожи,
Всё-таки в несхожести ответ.
Мы не как другие. Ну и что же?
В нас весь мир. Такого больше нет.

* * *

Посмотришь вверх – а там Любовь.
Заглянешь вниз – там Состраданье.
И будет главное желанье
Служить Любви везде и вновь.
Стремись преодолеть преграды,
Испив Любовь из чаши с ядом.

* * *

Как просто живут малыши...
Их светлая вера спасает,
Любовь их сомнений не знает,
Нет горя для чистой души.

Бутон нераскрытых цветов
Опять вызывает в нас нежность,
И он развернётся, конечно,
На ласку открыться готов.

* * *

Раздался Зов: “Приди, приди...”
 Чей Зов из дальнего предела?
 Ещё и тьма не поредела,
 А сердцу трепетно в груди.
 На Зов любви ответный Зов
 К рассвету прилететь готов.

* * *

Имеешь право на ошибку.
 Имеешь право на прыжок.
 Имеешь право на улыбку,
 На смех, но только не смешок.

Да не суди – судим не будешь.
 Будь сам собой и не лукавь...
 И лишь когда других возлюбишь,
 А не себя – ты будешь прав.

* * *

Когда случится вдруг беда,
 Ты ищешь помощь друга.
 Его глаза, твои глаза –
 И в них жива любовь.

Вы выйти можете вдвоём
 Из замкнутого круга.
 Поддержка друга в нужный час
 Дороже всяких слов.

* * *

Мы все равны, я это вижу:
 Никто не выше и не ниже,
 Никто не дальше и не ближе,
 Мы – пальцы на руке одной.

АЛЕКСАНДР МИХНО

СЛАВГОРОДСКОМУ ПЕДКОЛЛЕДЖУ.

Жара, плывет асфальт, листва и та в пыли,
 Я подхожу к облупленному зданию.
 Тут в дни войны бойцов лечили, как могли,
 А ныне молодежь здесь приобщают к Знанию.
 Стоит еще колледж, ученья горек хлеб,
 И тяжела стезя у наших педагогов...
 Закат иных надежд... Восход иных судеб...
 Но мысли велики... и путь одобрен Богом.

ВЕРНОСТЬ

Опустились бесславно плечи,
 А над ними набат скорбит...
 Под стенами в неравной сече
 Нынче князь рязанский убит.

Охватили город пожары,
 Звон оружия слабей и слабей...
 И к собору летят татары,
 Понукая своих коней.

Топот. Крики звучат нестройно,
 Стаей голуби поднялись.
 На соборную колокольню
 Псы ордынские забрались.

Коль настала лихая година,
 Лучше смерть, чем постыдная жизнь...
 Подхватила княгиня сына
 И шагнула с карниза вниз...

Так всегда повелось в России.
 Нет на свете женщин верней.
 И при жизни они красивы,
 Ну, а в смерти ещё красивей.

* * *

Опять идёт на брата брат...
 За грех да будет воздаянье.
 Как нищий у церковных врат
 Россия просит подаянье.

* * *

* * *

Когда уже жить не хватает сил,
Срок вышел земным часам,
За всё, что не сделал - а должен был
Ты отвечаешь сам.

За то, что не тех и не так любил,
Что мог сберечь - не сберёг,
Когда как все по теченью плыл,
А надо бы - поперёк.

За то, что не был и не состоял,
Что мало в жизни потел,
Что перед соблазном не устоял,
Что думал - но не посмел.

Все беды и радости бытия
Господь на весы кладёт.
Туманом повита доля твоя
И так не ясен исход...

РЯДОВОЙ ИВАНОВ

Он не думал о смерти,
Глаза лишь сверкнули,
Заслонив лейтенанта,
Подставил себя.
И мальчишечью грудь
Перерезали пули,
И ушёл он во мрак,
Жизнь чуть-чуть пригубя.

Над фанерной звездой
Ветер ветви колышет,
А в Берлине, под грохот
Победных стволов,
Уцелевший майор
На рейхстаге напишет:
«До рейхстага дошёл.
Рядовой Иванов».

* * *

Что есть любовь? И счастье, и страданье...
Что есть любовь? Печаль и красота...
Что есть любовь? И радость, и рыданье...
Что есть любовь? То кровь из ран Христа.

СТАРИК

Я, господа, гадаю вам на счастье.
Вас ждёт богатство, радость и любовь...
Страдаете? Удачи в вашей страсти.
Расстались? Что же, встреча будет вновь.
Коль вы больны - то будете здоровы.
Казённый дом разлуку принесёт.
У вас на сердце лёг валет червовый...
А я? Что я? Подайте от щедрот...

* * *

А жизнь тогда имеет смысл,
Когда не сдался и не скис,
Когда, напрягшись, одолел,
Когда желал, когда посмел,
Когда влюбился и страдал,
Когда надеялся и ждал,
Когда беду сдержать сумел,
Когда душой не очерствел.

* * *

Не помог, не сумел, не понял,
Не сберёг и не удержал...
На пустынном старом перроне
Дальний поезд он провожал.
Застучали по рельсам строчки,
Заглушая прощальный стон.
Не одну, а четыре точки
Им поставил последний вагон.

СОЛОВЕЙ

Он был сер и незаметен
И признаться ей не смел,
Но в прозрачном лунном свете
Он запел - и как запел!..

Покрыла тень усталые дома,
И звуков поумерилось стаккато.
Из сумраков смятенного ума
Душа спешит в объятия заката.

Не устану писать о степи,
Про сибирскую тайну травную.
Я ревную других до тоски,
К каждой былке примятой ревную

Кто не любит, тому не понять.
Всё твержу я, и снова... и снова.
Мой Алтай – моей жизни основа.
Не устану об этом писать.

Вот и промелькнуло лето быстротечно.
Вновь увядший воздух тело холодит,
Но в груди влюблённой лето будет вечно
Хмелем и полынью сердце бередить.
Между нами сотни ломких километров,
Города простёрли к небу этажи...
Но упрямо в мыслях веет знойным ветром,
И в глазах остались переливы ржи.

Человек нуждается в участие
И не всё он сможет в жизни сам.
Если понял- значит будет счастье...
«Не отринь!» Потом уж: «Аз воздам!»

Поэт – свеча в ночи осенней.
Поэт – набат, когда горит.
Строка – как верный путь к спасенью,
Как свет, как крест, как динамит.

Зинаида Братусь	3
Парк городской. Памятник Славы. Доченька. Красивая женщина. «Закончилось двадцатое столетие...». Мечты о воле. Пришла любовь.	
Александр Пак	7
«Вчерашний Иуда – сегодня Христос...». «Сползла повязка с Фемиды...». «Ты и горькая, и сладкая...». «Пусть будет вечно с нами Бог...». «Счастье – это синица...». «Новый тип человека-изотопа...». «Время – зеркало...». «Между нами города...». «Жизнь, замарав однажды...». Мамаев курган. «Пока вертится наша планета...». «Как истина проста...».	
Любовь Николаева	11
Оленёнок. Старый конь. Ворона.	
Наталья Литвинова	14
«Я так хочу, чтоб ты остался...». «Где же ты? Давно тебя не видно...». «Я не верю в любовь, я не верю тебе...». «Я эгоистка, но себя не выдам...». «Между нами стена-невидимка...». «И снова дождь, и снова всё намокло...». «Кто-то скажет: «Грустит девчонка».	
Александр Владимиров	16
«Нежность – грустная песня наших мам...». «Суть бытия в противоречиях...». «На нас лежит налёт провинциальности...». «Жизнь соткана из нюансов и тонкостей...». «Я думал: жизнь контрастная...». «Что всех безжалостней на свете? – Годы...». «Пустую кажется квартира...»	
Анатолий Молчанов	18
«Прекраснодушием страдать...». «Всё сначала начать...». «Наши корни, конечно, в небе...». «Защищала глаз слеза...». «Обними меня, ночь...»	
Людмила Сибиркина	20
«Душной кухни тусклый мирок...». «А мне сегодня необычно холодно...». «Озябший сад поскрипывает брошенно...». «Любви ушедшей грустные слова...». «Слегка нажимая на клавиши слов...».	
Поликарп Зеркальный (Виктор Сергеев)	21
«Мерно кружится красный танец...». «В терпкой горечи мёртвого моря...». «По долине звенит серебром Зеравшан...».	
Татьяна Матвеева	23
«Ты снова в путь, тебя зовёт дорога...». «Быть покорной судьбе...». «Разлуки боль, а с нею одиночество...».	

- Виталий Корнев** 24
Розовые очки. «По аллеям листопада...». «Пить прохладные
росинки...». «А потом шептать, как ветер...».
- Юрий Дачев** 25
Гости (отрывок).
- Марина Мовчан** 28
Метель. Бабушка. Звезда.
- Владимир Думлер** 29
Алтай. Мир должен быть на Земле!
- Александр Литовченко** 30
Предали! Мечта. Люблю. Время. Я вернулся.
- Юлия Михно** 32
«Любить до боли, безысходно...». «Склонился тополь над
рекой...». «Всё изведаль сын и познал...».
- Анна Михно** 33
Осень. «Не жаль тебе меня?...» Давай. «Пусть говорят, что ничего
не слышу...». «Осень!...». «Изменила!...». Про самого – самого.
Одиночество. Ненужный.
- Ксения Вилкина** 36
«Мешают те, кто не мешал доньше...». «Лицо, как открытая
книга...». «Опять запуталась в вопросах...». «Человеку не могу
открыться...». «Тревогою сердце полно...».
- Оксана Зикс** 38
Легенда о реке, которую спасла девочка по имени Цветок.
- Валентина Михно** 39
Сокровище дальней звезды. «О сердце! Дай мне красоту...». Тайна. «Легче лёгкого помнить обиды...». «Чередуются радость с
несчастьем...». «День пролетел. Отшумели заботы...». «Единственное верное решенье...». Желание. «И душа, и мысль
оригинальны...». «Посмотришь вверх – а там Любовь...». «Как
просто живут малыши...». «Раздался Зов: «Приди, приди...». «Имешь право на ошибку...». «Когда случится вдруг беда...». «Мы все равны, я это вижу...».
- Александр Михно** 43
Славгородскому педколледжу. Верность. «Опять идёт на брата
брат...». «Когда уже жить не хватает сил...». Рядовой Иванов. «Что есть любовь? И счастье, и страданье...». Старик. «А жизнь
тогда имеет смысл...». «Не помог, не сумел, не понял...». Соловей. Вечер. «Не устану писать о степи...». «Вот и промелькнуло лето
быстротечно...». «Человек нуждается в участье...». «Поэт – свеча
в ночи осенней...».

